
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ МАКАРИЙ, АРХИЕПИСКОП ТОМСКИЙ, КАК ПРОПОВЕДНИК⁷⁰

В 1910 году под редакцией протоиерея Серафима Путодеева в Томске типографией Приюта и Дома Трудолюбия вышла в свет книга «Полное собрание проповеднических трудов Преосвященного Макария, архиепископа Томского и Алтайского, за все время его служения в архиерейском сане (1884–1910 годы)». Ниже мы воспроизводим статью протоиерея Димитрия Беликова, размещенную в «Прибавлениях к Церковным ведомостям», посвященную данной публикации проповеднического наследия святителя Макария.

Редакция.

Перед нами огромный том поучений святителя, давно приобретшего известность своим церковным учительством. Многочисленные поучения, составляющие содержание настоящего издания, являются ярким отражением неусыпной ревности архипастыря, который хотел бы во всей силе и полноте исполнить священный завет Апостола учить везде и всегда, *благовременне и безвременно* (2 Тим. 4, 2). Мاستитый проповедник предлагает свои поучения в храме и вне храма, за богослужением и вне богослужебного времени, в городе, селе, деревне и даже на пароходе в своих речных путешествиях. Он поучает и за пределами своей обширной епархии: в Петербурге, когда проживал в нем по вызовам для присутствия на заседаниях Святейшего Синода, и в Омске, куда по приглашению граждан, временно не имевших своего епископа, заезжал на возвратном пути из столицы в свой епархиальный Томск. Везде, где бы ни находился, он считает своим неременным долгом преподать свое святительское наставление, пользуясь для сего всяким благоприятным поводом. В храме за богослужением ему дает такой

повод Евангельское или Апостольское чтение, всё содержание богослужения или его особенности в зависимости от праздничного дня, какие-либо особые потребности молящихся или их поведение за молитвой, тем более в случае нарушения тишины и должного благоговения. Не было за последние десятилетия ни одного сколько-нибудь выдающегося церковного или общегосударственного явления и события, на которые наш проповедник не откликнулся бы своим учительным архипастырским словом. Огромные нестроения чуть ли не во всех сферах нашей русской жизни, волнения и беспорядки так называемых освободительных лет, дух и настроение в жизни общества за это печальное время вызвали со стороны внимательного, вдумчивого, отзывчивого проповедника длинный ряд живых и жизненных поучений сетующего, скорбного характера. Не желает проповедник пропустить случая для своего назидания в событиях, относящихся к жизни местных государственных и общественных учреждений или даже частных, известных в городе Томске лиц. Епископ должен быть готовым во всякое время и по каждому поводу износить слово научения из сокровищницы души своей⁷¹. Так смотрит проповедник-архиепископ на обязанности своего учительства, боясь не исполнить их там или здесь и желая собрать к своей проповеднической кафедре всех, к кому имеет архипастырское отношение. Он говорит пастырям в воззваниях к ним и в речах на пастырских собраниях и съездах, говорит инокам в монастырях, миссионерам противораскольнической и противоязыческой миссий. Он проповедует среди интеллигенции, поучает передовые классы городского населения и с особым усердием и настойчивостью учит простонародье, применяясь к его нуждам, к его материальному и нравственному состоянию. Он назидает взрослых и дает наставления юношам и малолетним, со всей полнотой архипастырской попечительности относясь к тем младенцам в вере, которые населяют дебри и вершины Алтая.

В кратком обозрении содержания многочисленных поучений мы прежде всего выделяем слова и речи, произнесенные в высокопраздничные дни, и за ними те, которые относятся к состоянию нашей государственной и общественной жизни за последнее время. Поучения первой категории, проникнутые всей силой патриотического настроения, согреты чувством живейшей, безграничной любви к царю православному, самодержавному и ко всему царствующему дому. Эта любовь дышит в каждой мысли проповедника, ею трепещет каждое его выражение. Глубокой печалью заполняется сердце архипастыря

вследствие скорбных извещений о постигшей царя-Миротворца опасной болезни, ставшей болезнью предсмертной. Опечаленный, он многократно зовет пасомых на молитву веры, молитву искреннюю, сердечную за того, кто нам должен быть дороже всего. Тревожные думы посещают и волнуют его дух, когда в 1900 году в Томске было услышано о болезни ныне царствующего государя⁷², и он приглашает верных не ослабевать, не изнемогать в настойчивой молитве о драгоценном здравии возлюбленного царя, ибо Бог слышит вопиющих к Нему день и ночь (Лк. 18, 7). Ликование звучит в его проповеднических речах по поводу радостей в царской семье и в особенности по поводу великой радости о рождении государя наследника Алексея Николаевича. Выражая свои патриотические чувства, возбуждая и усиливая их в душах своих пасомых, проповедник не оставляет попутно преподать им наставления об усилении ревности в вере, об исправлении жизни как необходимом условии нашего общего и частного благополучия, о воспитании в духе веры и благочестия с ранних лет детского возраста и т. п. Доводами внушительными и сильными он убеждает верных никогда, ни под каким предлогом не уклоняться от посещения богослужения в царские дни, ибо молитва подданных о своем царе есть та благодатная влага, которая поддерживает жизнь и благополучие царей и народов, низводя на них Божие благословение. Кто не молится о царе русском, православном, тот не русский, не православный человек, тот не слуга верно-подданный, не сын отечества. Он, как пришлец, только живет на русской земле, но в действительности не имеет нравственного права именоваться русским⁷³.

Беседы, слова и речи, вызванные волнениями и беспорядками на всем обширном пространстве нашей русской страны, энергичны, яркие, полны метких суждений и глубокой назидательности. Проповедник прежде всего выясняет основные причины происшедших нестроев. Он указывает их в постепенно развившемся неверии и в разрыве с Церковью со стороны тех, кто причисляет себя к передовым, руководящим классам нашего населения, в оторванности всей народной жизни от священных заветов древней Руси — той прежней Руси, которая была проникнута духом христианского благочестия, христианское население которой горело любовью к своей отечественной православной стране и к своему самодержцу-царю. Без благодатного светоча веры, при отчуждении от матери-Церкви, в отрешении от преданий благочестной старины создалась беспочвенность, произошел хаос

понятий и воззрений, связанный с упадком нравственности и патриотической настроенности. Идет в наши дни «переоценка всех ценностей; причем иногда полезное признается вредным и вредное полезным, красивое безобразным и безобразное красивым, прежние истины признаются ложью и только что выдуманная ложь с жаром принимается за истину»⁷⁴. От прежних, унаследованных форм гражданской свободы «все охвачены стремлением к какой-то новой, еще не изведанной свободе, и все опутывают друг друга множеством неисполнимых иногда обязательств; все стремятся к справедливости и в то же время незаслуженно оскорбляют всех, кто мыслит иначе, чем они... все стремятся устроить рай на земле, и никто не ручается за завтрашний день»⁷⁵. При такой путанице, в такой странной и страшной сумятице понятий и стремлений враги нашего отечества не дремлют. Они сами убивают или подстрекают убивать царских слуг и возбуждают народ к неповиновению богоучрежденной власти. Они производят смуты на фабриках, на заводах и стараются развратить сельское население распространением по деревням безбожных и безнравственных изданий... Деревня начинает развращаться так же, как развращаются города⁷⁶.

Россия больна, говорит проповедник. «Страна наша мятется; все основы ее колеблются. Православию веры, самодержавию царя и русской народности грозит опасность...» «Бывали на Руси смутные времена, но тогда было не то, что теперь. Тогда все были за Бога, все желали знать, что Ему угодно. <...> Тогда все были за помазанника Божия и тужили, когда на время не стало царя на русской земле. <...> Теперь слышатся голоса хульные на Бога и замыслы против помазанника Его. Расторгнем узы их, говорят ныне некоторые, и сбросим с себя иго их (Пс. 2, 3)! Расторгнем узы власти и сбросим иго Церкви, иго Христа... В подпольных писаниях своих, разбрасываемых по земле, они [виновники смуты], как вестники ада, жаждут разрушения, беспорядка, безначалия; они замышляют разрушение храмов и обителей, расхищение церковного достояния, разграбление имуществ богатых... Их желание — всё перевернуть: чтобы голова стала внизу, а ноги — вверх; чтобы честный человек ожидал милости из рук босяка, которого обещают сделать раздаятелем разграбленного, пока не расточится всё и не настанет общая беднота.

Такое извращение порядка для людей беспорядка даже не кажется неестественным, потому что у них всё, по-видимому, извратилось: они и зло называют добром, порок — добродетелью, ложь — истиною

и безумие — высшей мудростью. Они так далеко зашли в своих мечтаниях, что как бы разучились уже и рассуждать здраво»⁷⁷.

Враги государства, указывает архипастырь, с особой злобой и рвением нападают на то, что всегда охраняло наше государство, что поддерживало и укрепляло его животворной силой, что оздоравливало его благодатным и благодетельным влиянием. Они нападают на Святую Церковь. Руководители смуты всеми своими ухищрениями стараются вооружить против Церкви ее собственных чад, давно внутренне отпавших от ее любви, и, кроме них, иноверцев, раскольников и сектантов, которые, будучи несогласны между собою в верованиях и обрядах, являются единомышленными в хулах, порицаниях Церкви, в злобных нападениях на нее. Православная Русская Церковь стала гонимой. Враги Церкви стараются расшатать ее ограду для свободного похищения ее чад, они напрягают все усилия, чтобы отнять от Церкви молодое поколение, чтобы не дать ему воспитываться в вере и благочестии посредством церковно-школьного обучения. Крамольники хотят отнять у Церкви ее школы и взять воспитание детей на себя в своих целях и в своих безрелигиозных школах. Правда, в их школах удерживается и Закон Божий, но удерживается лицемерно, для того, чтобы в действительности среди других учебных предметов священный предмет Закона Божия нарочито занимал самое последнее место.

Выступив ревностным, одушевленным борцом за благо России, охваченной смутами, пораженной недугом религиозного безверия или маловерия граждан, их нравственной расшатанностью и разделением в политических воззрениях и вожделениях, проповедник-иерарх усиленно и трогательно зовет население к духовному отрезвлению, оздоровлению и затем успокоению. Всё сказанное в разных местах и по различным поводам о том, что нужно для прекращения смуты, внушительно выражено в слове на тему: «Опомнися! Покаемся!»: «Опомнися же, русский народ, встань на охрану устоев земли, как защищали их предки в старые времена. <...> Обратимся к Богу с молитвами и покаянием, как молились и калялись наши предки во времена лихолетья. За грехи наши Господь нам послал такую напасть. <...> Наложим на себя добровольный пост, смирим себя, как ниневитяне, и будем умолять Милосердного <...>: *Согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою, ниже соблюдохом, ниже сотворихом, якоже заповедал еси нам; но не предаждь нас до конца, отцев Боже*». Объединимся около Святой Церкви, которую стали забывать и оставлять.

«Будем неуклонно собираться в храмы наши: и сановные, и простые люди, землепашцы и землевладельцы, торговые люди и ремесленники — все будем неуклонно присутствовать при богослужениях воскресных и праздничных; прекратим наше веселье, освятим дни праздников, предоставив посещение увеселительных зрелищ в это время иноверцам и отрехшимся от Бога. <...> Объединимся около нашего державного царя православного, как он недавно призвал к этому всех верноподданных истинных сынов земли русской. Станем на защиту власти, от государя поставляемой»⁷⁸.

Сплотимся, добавляет проповедник в другом слове, около нашего знамени. «Наше знамя, наша хоругвь — вера православная, царь самодержавный и Русь единая, нераздельная. Умрем за это знамя, за эту хоругвь, но никому не отдадим их! В этом да поможет нам Бог!»⁷⁹

С великой тревогой и печалью взирал святитель на всю беспокойную Русь, но когда нестроения происходили в пределах его епархии, естественно, что его скорбное чувство возрастало, его отеческие увещевания поднимались в силе и вместе приобретали характер особенной трогательности и сердечности. Известно, что при возвращении с территории несчастной для нас японской войны русские солдаты, огорченные неудачей и подстрекаемые крамолой, часто вели себя очень буйно. Они забыли дисциплину, отказывались от повиновения начальникам, говорили им дерзости, производили беспорядки на сибирских железнодорожных станциях и огромные замешательства в движении железнодорожных поездов. В слове, обращенном к буйствовавшим, архипастырь взывал: «Одумайтесь, что вы делаете? Побойтесь Бога; пожалейте сердечного царя-батюшку, страдальца за святую родину и печальника за всех вас. <...> Пожалейте, братья-воины, мать-родину святую. Тяжело теперь ей, сердечной. Не чужие враги, а дети родные восстали на нее, терзают одежду ее, терзают и тело ее»⁸⁰.

Призывая жителей Бийска к раскаянию в преступлении допущенного в их городе оскорбления властей, владыка закончил речь: «Братья-христиане! Погибает земля русская от междоусобиц: восстают друг на друга, восстают на закон, противятся власти и влекут дорогую родину нашу в бездну безначалия — и мы, видя это, не содрогаемся. Восстают дети на родителей, юноша смеется над старцем, ученик повелевает учителю — и нам как будто нет дела до этого! Отнял у нас Господь сокрушение и смирение сердца за нашу гордыню, за отпадение от веры, от Церкви, от заветов старины, и мы идем к гибели.

Братья, пробудимся от сна бесчувствия, покаемся, воззовем ко Господу: Господи, спаси ны, погибаем!»⁸¹

В архипастырском наставлении к сельским жителям (при обозрении епархиальных церквей в 1907 году) маститый архипастырь, убеждая и умоляя крестьян Бога бояться, царя почитать, начальству повиноваться и с мятежниками отнюдь не сообщаться, просит принять его слова как завещание престарелого отца и сохранить его отеческое, как бы предсмертное завещание нерушимым навсегда⁸².

Свобода во всех отношениях и, в частности, свобода слова и веры, равенство в правах и даже в имуществе — вот стремления и домогательства, которые постоянно слышались в бурный период только лишь пережитого нового русского лихолетья; не перестают слышаться и теперь. В предупреждение болезненного увлечения этими вождельниками архипастырь не оставил в своих поучениях подвергнуть их критической оценке с точки зрения христианского вероучения и их приложимости к жизни. Полной абсолютной свободы, указывает он, нет и не может быть, иначе человек был бы всемогущ. Такая свобода есть нелепость. Свобода и в раю была соединена с послушанием. Свобода слова не дает права лгать, клеветать, подстрекать к преступным деяниям. Свобода веры не позволяет приводить к той или иной вере соблазном, обманом и насилием⁸³.

В обширной беседе, предложенной на внебогослужебном собрании, архипастырь со всей подробностью и обстоятельностью рассматривает и оценивает современное стремление женщины к равноправию с мужчинами в научной, государственной и общественной деятельности. Обсуждая этот вопрос во свете богооткровенного учения и принимая во внимание душевные особенности женской природы, владыка говорит, что в области знания трудно указать науку, которая была бы недостойна женщины, неприлична для нее и не полезна ей. Но наука, как она существует в настоящее время, в большинстве своих отдельных отраслей заражена безбожным направлением. В настоящую пору наилучшим показателем якобы высокой учености считается отступление от Бога, от веры, от всего, что напоминает о религии и тем более о Церкви. Безбожие в женщине есть болезненное противоречие красоте ее духовной природы. Есть иногда такие пороки, к коим мы относимся довольно снисходительно, когда видим их в мужчине, но эти же самые пороки вызывают отвращение, когда встречаются в женщине. «...Грустно видеть безбожного мужа науки, но еще печальнее видеть

таковую женщину. От женщины без веры, без Бога веет холодом, как от статуи, по виду прекрасной, но лишенной жизни. Женщина без веры, без нравственности может принести обществу гораздо больше зла всякого рода, чем мужчина безбожный или нравственно развращенный. При отце безбожном страдает большей частью богобоязненная мать; а при матери, потерявшей веру и нравственность, развращается вся семья»⁸⁴. Стремление женщины к знанию дозволительно, но оно должно иметь предел, далее которого не должно переходить. Женщины в особенности не должны касаться знания, которое отводит от богопознания и от послушания Церкви. И если для женщин нужны высшие учебные заведения, то они непременно должны быть таковы, чтобы отсюда выходили по преимуществу носительницы здоровой, высшей науки «с сохранением прекрасных черт характера неиспорченной женщины, с ее нравственной чистотой, нежностью, истинной религиозностью». Скажут, что нет деятелей и преподавателей, чтобы именно так поставить высшее женское образование. В таком случае, отвечает иерарх, вопрос о высшем женском образовании лучше оставить нерешенным впредь до открытия более благоприятных условий для его решения в положительном смысле.

Нынешняя женщина рвется к службе общественной, государственной. Современный прогрессивный мужчина покровительствует ей в этом отношении, как бы не замечая того, что, значит, служебные дела мужчин пришли в такой беспорядок, что требуют женского глаза, женской руки, — беспорядок, подобный тому, какой оставляет после себя мужчина, уходя из дому и предоставляя жене после себя всё прибрать, исправить, наладить. Положим, женщина сделает это на государственной и общественной службе. Но на чьем попечении останется семейный очаг? От самых древних времен считалось, что женщина по преимуществу назначена для дома, мужчина — для жизни вне дома. Для женщины — очаг, дети, всё устроение домашней жизни. А деятельность мужчины — вне дома: на дворе, в поле, на промысле, в торговле, в общественной, в государственной, военной службе. Принято не без основания ставить в упрек женщине, если она не сидит дома, оставляет семью, покидает детей. Равно осуждается мужчина, если он сидит дома, не заботясь о снискании пропитания для семьи трудами, требующими более или менее продолжительных отлучек из дому. Проповедник затем указывает, какую великую, высокую, благородную, незаменимую службу совершает в жизни женщина, всецело отдавшаяся нуждам

на благо детей, на устроение домашней жизни, семейного счастья и благополучия, поясняя и оживляя свои указания выразительными примерами из Библии, из церковной истории.

Женщина, домогающаяся самостоятельной деятельности на службе вне дома, старается оправдать себя тем, что ей пора выйти из рабства мужчине, что и ей дорога независимость, свобода. Но сколько, говорил архипастырь, имеется таких счастливых жен, которые радением о семье, строгим подчинением нравственному закону и долгу, скромностью, нежностью, нелицемерной любовью приобрели в семье такое положение, что казалось бы, что не они подчинены, а им в доме подчинено всё. Муж, господин такой жены, не только не желает заявлять о своих преимуществах грубым словом, но не позволит себе сделать это даже тонким намеком. Если женщина ищет истинной, ее возвышающей, ее радующей свободы, то она всегда должна помнить, что изрек Божественный Освободитель человечества от рабства греху: *Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете* (Ин. 8, 36). Самые свободные в мире люди — праведники, освободившиеся от страстей. Пусть женщина для своего истинного и действительного счастья ищет этой прекрасной свободы, даруемой безгрешной жизнью. Всякое стремление к свободе иным путем не приведет к желаемой цели. Вступившая на общественную или государственную службу жена освободится от зависимости своему мужу, но при этом окажется под властью начальника по службе. Освободится дочь от власти родительской, но попадет под власть, быть может, строжайшую — под власть многих начальников.

Имеются, однако же, по заключению Преосвященного, в сфере общественной деятельности поприща, которые вполне приличны и пригодны для женщины. Сюда относятся учительство в низших и средних учебных заведениях, медицина для врачевания больных своего пола, христианская благотворительность и, наконец, миссионерство в среде нашего современного мало или совсем неверующего образованного общества. Последние два вида деятельности возможны и для женщины замужней, семейной.

Мы взяли из обширной, богатой содержанием беседы только главные мысли и указания, не касаясь частных соображений, правдивых и ценных при вдумчивом, серьезном решении женского вопроса.

Идеи социализма и коммунизма о распределении имущества — те идеи, которые при посредстве злонамеренной агитации начали

проникать даже в глухую деревню, проповедник подверг рассмотрению и оценке в беседе на Неделю жен-мироносиц. Простыми, но убедительными, жизненно-практическими доводами он доказал, что уравнение имуществ было бы несправедливо, опасно, да оно и невозможно, и что счастье человека не зависит от количества имения (Лк. 12, 15). Счастье человека — в умении трудиться и в чистой, спокойной совести. Счастье человека в умении жить не для себя, а для других. Его счастье в том, чтобы всех любить и от всех быть любимым⁸⁵.

Все поучения Томского святителя, сказанные по обычным поводам церковного учительства, содержат в себе архипастырский призыв к наследию величайшего, несравненного блага — дарованного блага спасения. Они заключают в себе многочисленные подробные жизненные советы, наставления, указания относительно нашего достижения спасения при помощи благодати Божией, при посредстве веры, молитвы, покаяния, деятельной любви к Богу и ближнему, в условиях неуклонного послушания материнскому руководству Святой Церкви. Разумеется, в настоящем беглом очерке мы можем коснуться только некоторых из этих поучений. Начнем с тех, в которых Преосвященный автор с истинной заботливостью архипастырского любящего, радеющего сердца старается возбудить в пасомых ревность к спасению, раскрыть пред ними всю пагубу нашего обычного преступного нерадения к нужнейшему, святейшему делу. Из длинного ряда учительных и назидательных слов и речей по этому предмету мы, с целью показать задушевность тона, силу отеческого призыва, несколько остановимся на слове в Великий Вторник «Бдящие, дремлющие и спящие».

Спящий человек, говорит проповедник, живет не действительной жизнью, а сонными мечтаниями. В большинстве живем и мы как во сне. Посмотрите кругом, насколько одолевает нас наше опасное сонное состояние. Духовно спит юноша, увлекаясь несбыточными мечтами только о благах мира сего. Спят люди в зрелом возрасте, живущие только для тела и забывающие о драгоценной душе. Они едят, пьют, покупают, продают, женятся и замуж выходят, нисколько не думая, что их ожидает, как внезапный потоп, страшный день смерти. Спит по-видимому исправный деловой человек, день и ночь проводящий над делами своего звания и нисколько не думающий о едином на потребу... Спит и старческий возраст. Старец мечтает жить еще многие годы. Он мятется, суетится и в суете продолжает запасать нужное для суетной жизни и не хочет думать о том, что в грядущую ночь истяжут душу

его. Тяжес сон, в который мы погружены. Нелегко или даже невозможно от него освободиться без благодати Господней... Спишь ты и не видишь, что пред тобою бездна, еще шаг — и ты упадешь в нее. Спишь ты и не замечаешь врага, который неусыпно и каждую минуту стережет тебя... Встань! Это сон не телесный, но сон души; не тот сон, которым укрепляется тело, а сон нездоровый; это болезненная спячка. Встань, пока время не ушло, встань, пока благодать Божия ждет и усиленно зовет тебя!..⁸⁶

В другом слове проповедник со всей наглядностью указывает и разъясняет слушателям, каким образом духовно спящий человек переходит в состояние духовной смерти. Спящий, то есть не радящий о спасении человек не пользуется теми силами и средствами, какие подаются ему благодатью Божией для его спасения. Вследствие сего со всей мощью в нем начинает развиваться и действовать губительная, разрушительная сила греха. Человек нравственно опускается. От одного греха он переходит к другому, третьему. Чем более грешит, тем более теряет способность сопротивляться греховному влечению. Как пловец, выпустивший из рук весло и кормило, неудержимо несется бурным течением и неизбежно тонет в волнах, так переплывающий реку жизни и переставший бороться с греховными влечениями и искушениями увлекается греховным потоком вниз и погружается в бездну.. Из такого состояния ему выйти почти также трудно, как трудно подняться из пропасти связанному по рукам и ногам⁸⁷.

Предостерегая и отвращая пасомых от такого губительного состояния, архипастырь в слове о благодати, которая не должна быть для нас тщетной, пастырски умоляет: «Спасайтесь, возлюбленные, спасайтесь при помощи благодати Божией, спасайтесь, пока есть время! *Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения* (2 Кор. 6, 2). Не пропускайте этого дорогого времени. Теперь время торга, время базара — покупайте, приобретайте теперь ваше спасение; если пропустите это время, если не запасетесь делами спасения, то после уже не воротите его: застигнет смерть, застанет суд Божий, застанет вас неготовыми... в чем застигнет час смерти, в том и судимы будете. Помните притчу о десяти девах»⁸⁸.

С какого времени нужно начинать дело устроения спасения и как должно вести его? Владыка любил говорить о воспитании детей, любил привлекать детей к своей любви, духовно собирать их около себя, около своего сердца для отеческого попечения об их детских душах и сердцах.

На животрепещущую тему о религиозном и нравственном воспитании детей он предложил десятки драгоценных бесед. «Воспитание детей состоит... не в том только, чтобы кормить, поить и одевать их, беречь их здоровье и жизнь. Этот долг знают и животные и исполняют его: они кормят своих детенышей и берегут их жизнь, а одевает их сама природа.

Важнейшую часть человека, отличающую его от животных, составляет богоподобная душа. О ней родители и должны заботиться более всего. Питая и одевая тела детей, родители должны питать и одевать и души их. Тело питается пищей, а душа — добрым учением, верой и благочестием. Тело украшается уборами, а душа — добрыми навыками... Красота душевная несравнимо выше красоты телесной, и дело украшения души добродетелями гораздо труднее дела украшения тела одеждой. Не много труда стоит, чтобы сшить одежду для прикрытия тела, купить убор для головы или готовую одежду по последней модной выкройке. Но украсить душу чистотой, смирением, честностью — дело весьма трудное. Убранство души не покупается и золотом — оно приобретается многим умением и усилием, оно есть дар Божий»⁸⁹.

Родители, указывает владыка, одни по неведению, другие сознательно не дают своим детям религиозного воспитания в их раннем возрасте, отлагая это до школьного возраста. «И растут дети их иногда без молитвы, без познания Бога, без страха Божия и вообще без доброго наставления. И зарастает нива их сердец всякого рода тернием пороков», которые школа уже не может исправить, если бы современная школа и взялась за это дело⁹⁰.

Родители должны знать и помнить, что дитя есть храм Божий, что в душу дитяти вложена искра благодати Божией, семя для будущей благочестной жизни. Эту искру Божию они должны сохранять и раздувать, это семя оберегать, чтобы не засохло, но постепенно произрастало. Они должны это делать для детей с поры их нежного возраста. Родители должны поступать при воспитании детей, как поступает садовник с только лишь посаженными деревцами. Садовник бережно привязывает их к кольям, чтобы ветер не колебал и колебанием не потрясал, не портил их корней. «Так и вы, родители, утверждайте детей в добрых правилах страхом Божиим. Внушайте им, что Бог всё видит, всё слышит, всё знает: не только видит дело, но и знает мысль и судит намерение. Помня это, дети будут беречься от дурных поступков, не только явных, но и тайных.

Садовник отсекает с молодых деревьев гнилые или сухие ветви — так и родители должны поступать с детьми: как только станут обнаруживаться дурные склонности...»⁹¹

Хорошие или дурные склонности и навыки, приобретаемые в ранней молодости, весьма часто остаются на всю жизнь. «Каким веществом будет пропитан новый сосуд, такой и будет он издавать из себя запах: благоухание или смрад нескоро и нелегко уничтожаются в нем. ...Чему обучено будет нежное детство, то дряхлая старость нелегко оставляет, ибо учащением одного и того же дела приобретается привычка, а через продолжительное время установившийся нрав получает силу природы» (из предисловия к Часослову). Или еще: «Юного отрока можно уподобить доске, приготовленной для изображения на ней картины... что живописец изобразит — доброе или худое, святое или грешное, — то и останется. Так и дитя: какое родители дадут ему первоначальное воспитание, к каким правилам приучат его, с такими оно и будет жить». Но душа ребенка должна быть непременно чистым, благовонным сосудом, она должна быть храмом Божиим, жилищем Святого Духа. Указывая это, Преосвященный дает родителям, в особенности матери, превосходные наставления о том, как ум ребенка можно и должно заполнять религиозными образами, его нежную душу постепенно напитывать задатками благочестия⁹².

Достижение спасения должно быть делом всей жизни, от ранних лет до последнего момента нашего земного существования. Тому, кто не приступал к нему с молодости, учительный владыка внушает: «Лучше всего начинать спасение не с того, что более трудно, не с подвига удаления от мира, не со строгого поста и продолжительных молитв, а с самого легкого. Самое же легкое есть то, чтобы грешник сознал свою греховность, вздохнул о себе и обратился с молитвой к Богу, хотя краткой, но усердной, вроде следующей: "Господи, грешен я, погибаю — спаси меня!" Эту молитву нужно повторять каждый день и в то же время думать о том, что нужно начинать свое спасение. Эта дума о спасении и будет началом, ведущим к спасению. После этого нужно приступить к очищению своей души от тех грехов, какие обложили ее, подобно тому как смердящий труп облепляют разного рода гады: мухи, жуки, черви и т. п. Нужно вынимать из души этих гадин одну за другой и бросать от себя. Иначе сказать: нужно начать борьбу со своими дурными привычками, со своими пороками, со своими страстями». Но и эту борьбу, чтобы она была посильна для немощных, пока еще не окрепших

душевных сил, следует вести также постепенно, начиная с малого. Ведь и в тяжкие грехи мы впадаем не вдруг, а приходим к ним с ничтожного, едва заметного случая. В пояснение владыка воспользовался прекрасным изображением, взятым из признаний писательницы, как человек постепенно подходит к тяжкому греху, начиная с ничтожного. «Если по совершении тяжкого греха я захотела бы добраться до причины, приведшей меня к такому действию... то увидела бы, что это было почти ничто, малость, безделица едва заметная. Это было слово двусмысленное, которое я услышала и которому я усмехнулась; это был равнодушно брошенный мною взгляд, от которого совесть моя, однако, удерживала меня; это было ненужное изъяснение, которого я добилась из пустого любопытства; это была молитва, которой я пренебрегла и которую заменила другим занятием, более занимательным; это была оставленная мной работа» и т. д.⁹³

Постепенно мы наживали грехи, поучает владыка, — постепенно нужно искоренять их борьбой с ними и с самим собой, борьбой неуклонной, неустанной. Такой настойчивой работой над собой верующий, при помощи благодати Божией, должен достигать, чтобы всё существо его, душа и тело, сделалось обиталищем Божиим, чтобы человек-христианин приобрел в себе един дух с Господом (1 Кор. 6, 17), чтобы был в состоянии отвергнуться себя и идти за Христом даже туда, аможе не хочет (Ин. 21, 18). В общем богоугодная жизнь, плодом которой является мир и радость, есть дело трудное, а трудное без усилий не совершается. «Посмотрите на владельца многочисленного богатства, начавшего торг с грошей. Не чрезмерными ли усилиями, предусмотрительностью, осторожностью и чрезвычайной воздержностью он приобрел свое богатство? Иногда он ночи не спал, не доедал, не допивал, не боялся ни страха ночного, ни нападения разбойников; переезжал горы, переплывал реки, носился, быть может, со своей коробкой⁹⁴ за плечами и в бурю, и под дождем.

Кто хочет в Бога богатеть, должен поступать так же. А едой, питьем, спаньем да покоем, пирами и забавами Царствия Божия не приобретешь.

Чтобы приобрести богатство Божие, нужно делать всё, что требуется богоугодною жизнью, а не кое-что только и не кое-как. При самом тщательном и внимательном обережении чистоты своего внутреннего человека верующему «нужно и к больному сходить и нуждающемуся помочь, с плачущим поплакать и с радующимся порадоваться. Нужно и в церковь ходить, и дома Богу молиться» и т. д.

Во всяком случае, «знай, что когда начнешь искренно Богу работать, то встретишь много препятствий, много и врагов: и плоть твоя — враг твой, и домашние — враги человеку (Мф. 10, 36), и мир — его враг, а самый злой враг твой есть сатана, который *ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5, 8). Ходи всегда во всеоружии. Будь подобен воину, вооруженному и защищенному с ног до головы, облекшись *во всеоружие Божие* (Еф. 6, 11); иначе может случиться то, что враг твой уязвит тебя в то самое место, которое не прикрыто». Воин, стоящий на страже, постоянно ходит взад и вперед и не спит. Делай так же и ты: не спи, держи оружие в руках, осматривайся: не подходит ли враг откуда-либо. Когда в человеке является такая бдительность, сей огонь ревности о богоугодной жизни, то можно думать, что его *постиже Царствие Божие* (Мф. 12, 28), что христианская жизнь, ведущая ко спасению, в нем началась⁹⁵. «Итак, с Богом, начинайте свое спасение: кто положил начало, тот сделал, говорят, половину дела. Начинайте теперь же, с этого дня, свое спасение, — Господь поможет вам. Помните, что страдания и лишения в этом веке ничего не значат в сравнении с той славой, которая уготована любящим Господа и страдающим за Него (Рим. 8, 18)»⁹⁶. Такими и подобными призывами, наставлениями, советами, убеждающими, умиляющими, одушевляющими слушателей и читателей, полны поучения настоящей высокоучительной, драгоценной книги.

В поучениях о вере как основном условии спасения проповедник прежде всего скорбит об упадке веры как печальном признаке нашего времени и, усматривая, что этот упадок с особой силой выражен в интеллигентной среде, объясняет его тем, что современное знание разошлось с верой, что нынешняя наука по своему духу и направлению атеистична⁹⁷. Современные представители научного ведения, ценя только знание, к вере относятся пренебрежительно. А при таком отношении к ней они теряют вкус, приобретают «духовную атрофию» ко всему высокому, святому, на что указывает вера, что возвещает она, к чему она нас призывает. Они поражены такой атрофией глубоко и опасно, так как не сознают беды своего неверующего состояния и не чувствуют потребности выйти из него. Кто мало занимается рассматриванием и изучением духовного мира, у того естественно-духовное зрение остается неразвитым. Кто с лопатой испытующего и с предвзятой мыслью неверия спускается в недра земли, тот теряет способность подняться выше земли. Кто исключительно посвящает

себя изучению явлений и законов материи, тот привыкает к материальному так, что всё нематериальное становится для него непонятным и неприемлемым⁹⁸. Люди, предубежденные против веры, стараются сами утвердить себя в этом предубеждении и склонить к нему других ссылками на «последнее слово науки». Но вера, которой ищет здравый человеческий дух, вера Христова, данная нам свыше, есть истина, которая не боится никаких научных последних слов. Не пора ли бы нам знать, что каждые десять, пять, а иногда меньше лет дают новую научную истину, отрицающую прежние мнимонаучные истины. Поэтому когда в мире современной науки является новая звезда со своим последним словом, противоречащим вере или расходящимся с ней, мы уже наперед должны догадываться, что это новый метеор, новый блуждающий, могильный огонек. Итак, делает вывод наш проповедник, если услышишь какое-либо новое учение, противное тому, что возвещено нам в Божественном откровении, не верь ему. Это новое заблуждение, которое не замедлит обнаружиться⁹⁹.

Имея в виду обычные в нашем образованном и через него в полуобразованном обществе возражения против веры и нападки на нее, владыка-проповедник предлагает своим слушателям сильное, убедительное слово в защиту веры с кратким, но метким опровержением доводов сомнения и неверия. Здесь Преосвященный апологет между прочим указывает отличие мирской, гражданской морали от нравственности христианской. Неверы говорят, что мы не должны верить, ибо нет надобности в религиозной вере: без нее обойдемся, нужно только проводить честную жизнь, быть честным (в гражданском смысле) человеком. «Да, — отвечает владыка, — гражданская честность может сохранить от тюрьмы, от виселицы, но она не избавит от ада, не проведет на небо. Гражданская честность... говорит: не обманывай, не грабь, не разрывай брачных союзов. Но она раздражительна, мстительна, горда, жестока, заботится только о себе, а не о других. <...> Вера же говорит: не только *уклонися от зла, но и сотвори благо* (Пс. 33, 15): не только не обижай, но и обидевшему тебя прости; не только не бери, но дай просящему, Безбожие говорит: всё для себя и ничего для других; а вера говорит: *чего желаешь себе, того желай и другому. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13)»¹⁰⁰.

Обширное слово, произнесенное в Великий Пяток, о величии Господа Иисуса Христа, о неизмеримом превосходстве Его пречистого Лица пред всеми когда-либо жившими великими людьми, о том Его

совершенстве, пред которым достоинства величайших сынов человеческих меркнут так же, как меркнет блеск всех вместе взятых звезд при свете восшедшего солнца,— это восторженное, мощное слово может украсить собою страницы нашего отечественного апологетического богословия¹⁰¹. Кроме того, апологетические беседы произнесены в защиту действительности события воскресения Иисуса Христа, истинности и действительности Промысла как в физическом мире, так в жизни народов и отдельных людей¹⁰². Положительное учение о вере, являющейся светом для наших очей, утверждением жизни, побуждением и указанием пути к спасению, о благодати, Таинствах и других частных, отдельных истинах веры мы читаем на множестве страниц. Особенно ценными являются беседы, обращенные к простолюдинам, где кратко, точно, с необычайной доступностью и простотой изложено всё православно-христианское вероучение в его последовательном, систематическом порядке. Дается простому народу то, в чем для своего религиозного научения он особенно нуждается и что в цельном виде с церковной кафедры предлагается ему редко. Для краткой катехизации эти беседы следует признать образцовыми¹⁰³.

Сам неустанный молитвенник, благостный проповедник о молитве говорит постоянно. Помимо отдельных поучений, посвященных исключительно предмету молитвы, вводящей нас в живое общение с Господом, составляющей такую же потребность для верующей души, как дыхание для живого тела, и каждое другое свое учительное слово он непременно заканчивает напоминанием о необходимости молитвы и призывом к ней. Здесь снова учительный иерарх сетует. Он огорчается современной житейской рассеянностью, погоней за удовольствиями, за увеселениями с забвением нужнейшего дела молитвы в храмах и на дому. Глубоко возмущает его устройство общественных увеселений накануне праздничных дней и в самые праздники с живой отзывчивостью к таким увеселениям по преимуществу со стороны высшего и среднего классов городского общества. Обличения по таким поводам звучат всей силой пламенной архипастырской ревности.

«Посмотрим, — говорит он по поводу томского равнодушия к посещению богослужения, — посмотрим... на наши нравы. Начнем с верхних слоев нашего общества. Что там делается? Не совершается ли как бы поголовное отпадение от веры и от Церкви? Нужны ли доказательства на это? Пойдем, для примера, в навечерия праздников и дней воскресных в храмы и посмотрим: кто там есть? Небольшие наши

городские храмы далеко не наполнены молящимися; там ряды их так редки, что нельзя пожаловаться на тесноту и духоту. Кто эти вечерние богомольцы? Почти исключительно служители Церкви, женщины — хранительницы веры и малая часть мужской половины из среды простого народа. Где же тот не простой народ, который составляет верхние слои общества? Он отсутствует: одни из них остаются дома, другие в местах увеселений — театре, маскараде, на танцевальном вечере. Там будут они до утра, и это у них называется отдыхом». Пойдем утром к литургии и увидим почти то же самое, с той разницей, что в храмах простого народа побольше. Но из верхних и даже средних слоев общества почти никого. «Если бы иноземец, пришедши в наш храм, по внешнему виду собравшихся здесь на молитву стал заключать о составе нашего православного городского общества, то не был бы несправедлив, если бы вывел заключение, что общество наше состоит только из двух классов: из клира церковного и простого рабочего класса — и что ни знатных, ни богатых, ни носящих облик образованных людей, ни стоящих во главе учреждений у нас нет»¹⁰⁴.

Храмы пустеют, с жалобой указывает владыка, а театры и дома народных увеселений любителями веселья наполняются¹⁰⁵. Любители театральных зрелищ готовы назвать театр «пособником Церкви» в деле нравственного воспитания народа. Но как это противоречит тому, что есть в действительности! «В театре... всё тешит нашу изнеженную плоть; там всё ласкает взор, услаждает слух... всё там приспособлено к тому, чтобы усыплять совесть грешника; там ничто не напоминает о виновности его пред Богом, чтобы вызывать в нем тяжелое чувство раскаяния»¹⁰⁶. Мало того, благоразумные светские люди со скорбью рассказывают, что на подмостках современной театральной сцены даются такие зрелища, что на них стыдно смотреть прямо даже привыкшим видеть всякого рода пошлые картины¹⁰⁷. И такие зрелища отвлекают народ от чего? От святого храма. И народ толпами спешит на эти развращающие зрелища, проходя мимо храмов с их раскрытыми дверями, не обращая внимания на храмовый призыв к молитве в святые дни и вечера. «Опомнися, покаемся! Покайтесь вы, которые развращаете народ; покайтесь вы, которые идете на это развращение. Покайтесь и родители, приносящие детей ваших в жертву современному Бахусу и Венере. Покайтесь и вы, молодое поколение. <...> И все мы убоимся Страшного Суда Божия. Не застиг бы он внезапно. Обратим внимание на современное состояние нашего общества. Чего еще

недостает в нем, чтобы назвать дни наши днями Ноевыми? Какого еще большего разврата ожидать нам, чтобы и нас постиг потоп современников Ноя? Вот проповедники предостерегают, но кто их слушает? Не смеются ли над ними, как некогда смеялись люди над проповедью Ноя? Но смех современников Ноя обратился в крики ужаса и рыданий, и пиры их кончились общей гибелью. А что будет с нами? Скажем ли: «Милостив Господь»? Правда, милостив Он к кающимся. Но у Него есть и гнев на сынов противления (Еф. 5, 6). Господи! Прежде даже не погибнем до конца, спаси ны!»¹⁰⁸

Убеждая и умоляя своих пасомых отказаться от участия в общественном увеселении накануне воскресенья, архипастырь закончил увещание: «Нет благословения Божия на пренебрегающих заповедь Божию, на преслушающих глас Церкви и голос пастырей»¹⁰⁹.

В поучениях о самой молитве проповедник многократно указывает ее значение, говорит об условиях ее действительности и исполнимости, дает советы и наставления, как должно поучаться молитве¹¹⁰, и разъясняет, что значит молиться непрестанно и как можно исполнить апостольскую заповедь о непрестанной молитве при обычных житейских трудах и занятиях. При своей доступности и простоте эти разъяснения назидательностью мудрых указаний производят особенно глубокое впечатление.

Молитва есть обращение к Богу и вместе дума о Нем, дума и о спасении души. Идешь ты утром на работу и думаешь, что только придет тебе на ум: о деле, о безделье. Оставь ты эти, может быть, пустые думы и займи свой ум думой святой: твори тихо про себя краткую молитву «Господи, помилуй» и влагай в эту молитву прошение о твоих нуждах духовных и телесных, о спасении души, о здравии телесном, об успехе в делах твоих. Ведь это не мешает тебе идти своим путем или заниматься работой. Когда примешься за работу дома или вне дома, на дворе или в поле, повторяй непрестанно ту же молитву. Когда, по непривычке твоей, ты утомишься произносить ее, займи ум твой размышлением о Боге, о премудрых делах Божиих, об Иисусе Христе, о Его страданиях, смерти и воскресении. Вспоминай и о своей смерти, и о том, что будет с тобою по смерти. Эти размышления будут то же, что молитва. Скажут, что всё это трудно.

«Никто не говорит, что это легко сделать. Но разве какое-либо доброе дело делается легко? Разве мы не трудимся для приобретения пищи и питья и других земных благ? Разве не работают некоторые до поту,

до болезни, с утра до вечера? Почему же не потрудиться для спасения души своей, для приобретения того, что всего нужнее? <...>

Будем помнить, что всего дороже душа, всего нужнее спасение души. Спасти душу без Божией помощи невозможно. Божия помощь приобретается молитвой»¹¹¹.

Всеми убеждениями и доводами побуждая и располагая пасомых к посещению богослужения в храмах, архипастырь предложил ряд кратких бесед по объяснению литургии. В этом виде литургические беседы могли бы быть прочитаны с большой пользой в городских и тем более в сельских церквях¹¹².

Призыв к покаянию в устах проповедника раздается почти так же часто, как наставления и внушения о молитве. Грех, спутник нашей жизни, составляет ту немощь духа, которая требует неуклонного врачевания. Грехи — это струпья, побуждающие к тщательному измовению и очищению. Они — наше бедствие, так как от них происходят наши телесные болезни и душевные страдания. Они же являются основной причиной наших бедствий частных и общественных. Покаяние — это врачевство духа, исправление и оздоровление жизни, это благословенный путь, ведущий к спасению. Оно и молитва — это крылья, возносящие нас к небу. Самую великую беду для больных грехами людей нужно усматривать в том, что люди нередко не признают болезни, не видят и не чувствуют необходимости во врачевстве, не знают, в чем им нужно каяться. Это самообольщение и бесчувствие составляют тяжелый нравственный недуг, в котором нужно покаяться прежде всего. Говоря о такой нравственной слепоте, проповедник во свете Божественных заповедей дает глубокий и прекрасный анализ нашего обычного греховного состояния, как оно выражается в нашем личном настроении и поведении, в нашей домашней и общественной жизни, — того состояния, виновность которого бедственно ускользает и убегает от нашего внимания и сознания. Разные виды греховного пребывания и разные степени опасного греховного коснения со всей обстоятельностью, выразительностью и наглядностью изображены в слове на Двадцать первую неделю по Пятидесятнице с трогательным молитвенным обращением архипастыря ко Господу о нашем общем исправлении¹¹³.

В греховном состоянии нередко оправдание грешника: «Рад бы покаяться и исправить свою жизнь, да нет сил; грехи влекут меня к себе; не могу им противиться, не могу отстать от них». Владыка, как истинный духовный врач, предупреждает и охраняет от отчаяния таким

назидающим и ободряющим наставлением: «Ты желаешь [покаяться и спастись]? Хорошо и это. От Бога дано тебе это желание. Желаешь, но не можешь спастись? Так и взывай ко Господу: "Господи, желал бы я спастись, но не могу. Помоги мне!" Поверь, если так будешь взывать, то Господь поможет тебе: Он пошлет тебе Свою спасительную благодать, которая поможет тебе подняться, как больному, и ходить; Он даст тебе силу противиться греху, только ты не переставай взывать к Нему и сам, сколько можешь, употребляй усилия: чтобы противиться твоим греховным навыкам, исполняй то, что велит делать Святая Церковь, наставники твои духовные. От всего сердца проси Господа, чтобы помог тебе, молись дома, принуждай себя ходить в церковь, исповедуй грехи твои пред духовным отцом, приобщайся возможно чаще Святых Христовых Таин, читай или слушай слово Божие — и мало-помалу ты вступишь на путь спасения. А дальше тебе легче будет, и ты пойдешь этим путем охотно, ведомый благодатью Божией. ...Возрадуется о тебе Господь, как возрадовался евангельский отец, когда возвратился к нему блудный сын его. Возрадуются о тебе Ангелы Божии, и особенно Ангел Хранитель твой, данный тебе при крещении и весьма печалившийся, когда ты шел путем погибельным»¹¹⁴.

Пастырский призыв к раскаянию в грехах звучит с неотразимой убедительностью, когда проповедник выступает с увещаниями не откладывая покаяние под теми или иными предлогами, не запаздывать им ввиду того, что «Господь прощение кающемуся обещал, а завтрашнего дня никому не обещал». «...Для человека нет ничего неизвестнее смерти. Всякий знает, что он умрет, но никто не знает, где и когда он умрет. Ты думаешь, что смерть твоя далеко, за горами,— а вот она возле тебя, за плечами. Ты думаешь: *душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись*. Но вот, не дальше как в сию ночь душу твою возьмут у тебя (Лк. 12, 19–20). Ты думаешь умереть на одре, от болезни,— а умрешь в пути, от руки злодея или от неосторожности возницы...» Трудно найти что-либо неизвестнее смерти, и потому нужно быть всегда готовым к ее встрече, а приготовиться к ней возможно только покаянием¹¹⁵.

Увещания вступить в двери покаяния учащаются пред временем Великого поста особенно ввиду исконной в Сибири холодности в отношении к христианскому долгу исповеди и святого причащения. Иерарх жалуется, что в Томске из десяти православных дело говения исполняет только один, из сотни — десять. Это печальное обстоятельство

заставляло архипастыря обращаться к пасомым с особыми воззваниями, в которых он с мольбою просил воспользоваться днями святой Четыредесятницы для очищения душ и сердец. «Примиритесь с Богом через исповедание грехов ваших, да примите прощение в них и сподобитесь неосужденно воспринять Хлеб жизни и Чашу спасения во очищение, освящение, радость и здравие души и тела». Недосуги, ради которых уклоняются от говения, «не кончаются дотоле, пока мы сами не закончим их волей или неволей, как оканчиваем таковые по случаю болезни, для семейных и общественных праздников, для отдыха, гулянья и т. п. <...> Оставим напрасные опасения, что будто бы вследствие употребления нескольких служебных или рабочих дней на дело говения расстроятся дела нашей службы, торговли или промысла»¹¹⁶. Оставим всё постороннее, чтобы в посте и молитве принести покаяние. Спешим принести его. «Вспомни, что за могилой нет покаяния. Будешь жалеть о потерянном времени... Вспомни, что такое вечность для грешника: это — начало без конца; начнутся мучения и никогда не кончатся: пройдут в мучениях грешников десятки, сотни лет, а мучения как бы еще не начинались; пройдут тысячи, миллионы лет, а мученьям всё еще только начало, и ожидать конца их нет надежды. Ибо двери милосердия Божия затворятся, струи Его благодати иссякнут для грешника. Было у него время милости Божией, а теперь настало время гнева Его; тогда Он звал тебя, грешник, на покаяние, и ты не слушал, — теперь ты будешь звать Его на милость, и Он не послушает тебя. Беспредельно милосердие Его, но беспредельна и правда Его; беспредельно блаженство праведных, но беспредельны и мучения грешных»¹¹⁷. Внушительно и настойчиво призывая верных к говению, архипастырь предлагает наставление, как должно совершать его, как нужно вести себя дома, какие добрые дела должны сопутствовать этому святому времени, как нужно подготовиться к истинному, искреннему раскаянию и достойному принятию Святых Таин.

Из добрых дел, которые должны быть выражением и украшением христианской жизни, проповедник с особенным вниманием останавливается на благотворительности. Заповедь о любви к Богу неразрывно связана с заповедью о любви к ближнему, и эта любовь к ближнему непременно должна быть деятельной и благотворящей. В отрешении от любви к ближнему, любви содействующей, помогающей, жертвующей, никакой подвиг христианской жизни не имеет цены и значения. Милосотыня, являясь делом любви, становится и средством для очищения

от грехов. «Как вода гасит огонь, так и милостыня уничтожает грехи», — говорит владыка. Все нуждающиеся в милостыне, все эти брошенные младенцы, осиротелые дети, эти беспомощные больные, дряхлые старцы, все бедняки, живущие в подвалах, часто остающиеся без куска хлеба и необходимого одеяния, нередко еще и стесняющиеся просить, — все они нам братья в Боге, во Христе, или, лучше, они — Сам Христос, говорящий: *Был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня* (Мф. 25, 42). Христу, возлежащему в яслях, волхвы принесли свои дары. «Пойдите, — указывает проповедник, — в те ясли¹¹⁸, где принимаются младенцы, приносимые матерями для хранения и ухода за ними, чтобы самим им приобретать дневным трудом себе пропитание. Пойдите и в другое место, где обретете также Христа младенчеству. Это тот сиропитательный Дом трудолюбия, где воспитываются дети разных возрастов; их много там; они сироты... Они малы и не пойдут к вам просить, как приходят взрослые и умаливаньем заставляют вас сжалиться над ними. Но вы сами сходите к ним, к этим сиротам, и принесите для них нужное. Что сделано будет для этих младенцев, для этих сирот, то будет сделано для Христа. Это не наши слова, а Христовы: *Кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня* (Мк. 9, 37). Значит, приютишь, накормишь, согреешь одного такого сироту — Самому Христу это сделаешь»¹¹⁹.

Указывая на благотворительность как на святое, богоугодное дело и приглашая к ней своих пасомых, владыка не раз произносил свое архипастырское правдивое суждение и осуждение касательно благотворительности, принятой в современном светском обществе. У нас, говорит он, делаются дружные и обильные приношения в пользу актеров, актрис и т. п., но у приносящих в эту сторону «сжимаются сердца и руки для помощи бедным и несчастным». А когда вспомнят о бедных, то благотворят им через театральные зрелища, маскарады и другие увеселения. Танцуют в пользу хромых и расслабленных, пируют в пользу голодных, устраивают маскарады и балы, чтобы прикрыть наготу сирых. Такая благотворительность не только странна, уродлива, но она и греховна¹²⁰. Истинной благотворительностью по побуждениям искренней любви к Богу и ближнему, благотворительностью одушевленной и одухотворенной может быть только христианская. В ней, во имя нашей братской связанности, должны участвовать не только люди состоятельные, но, по примеру евангельской вдовы, принесшей лепту, и люди бедные. «Малую лепту бедного, пожертвованную

на помощь нуждающимся, можно уподобить капле воды. Что может сделать одна капля воды? Конечно ничего. Но посмотрите, что делает эта же капля, когда она соединится со множеством других подобных. Из капель образуется сосуд воды, из которого может утолить жажду палимый внутренним жаром; из капель образуется целый поток водный, стремительностью своей приводящий в движение мельничный жернов; из собрания капель образуется пар, приводящий в движение машины... Вот какова сила капли воды, соединенной с другими подобными! Не такова ли же и сила лепты вдовицы, опущенной в сокровищницу церкви (Мк. 12, 42; Лк. 21, 2)? Не на таковые ли лепты созидались на Руси великолепные храмы? Сбором таковых лепт содержатся православные миссии... содержатся приюты, сиропитательные Дома трудолюбия» и т. д. Отсюда, заключает проповедник, общественная благотворительность полезнее, производительнее частной.

Одиночная благотворительность возможна только для людей богатых; в общей благотворительности может участвовать и нищий. При одиночной благотворительности рубль богатого не имеет того значения, какое имеет копейка неимущего, когда соединяется с копейками подобных бедняков. В общей благотворительности каждый дает столько, сколько может и хочет. И сколько бы ни дал, польза от этого будет несомненная, а при одиночном благотворении нужно иногда сделать жертву не вполне посильную, ибо иначе не будет достигнута цель благотворения. А при такой напряженности, сопряженной со скорбью и тугой сердечной, легко может запасть в душу благотворителя ропот и уныние, тогда как дело милостыни, которое Апостол назвал благословением (2 Кор. 9, 5), должно быть совершаемо с непомяренным лицом и радостным сердцем¹²¹. Владыка всех зовет к благотворительности часто и задушевно, зовет к жертвам главным образом через посредство учрежденных им церковных попечительств.

Внушая всем долг христианского, братского благотворения, владыка призывает к его исполнению и монастырские обитатели, с сердечным умилением вспоминая те времена цветущего монашества, когда пустыни Сирии, Египта, Палестины наполнились иноками и когда можно было подумать, что любовь благотворящая из городов перешла в эти пустыни, или когда наши русские монастыри во времена общественных бедствий кормили тысячи бедняков. Современное иночество должно подражать древнему. Оно должно упражняться в деятельной любви, устраивая около себя благотворительные учреждения для сирых,

неимущих, больных и самолично участвуя в труде ухода за призреваемыми. При таких упражнениях, указывает владыка в слове, произнесенном в обители, придется опытно узнать, что «с радостью принимаемое ухом с тугой сердца исполняется делом. Когда, например, мы слышим или читаем о том, как некогда благочестивые люди принимали странников, ухаживали за больными, кормили из своих рук покрытых гниющими струпьями, вырывали могилы и погребали умерших от заразной болезни, то, быть может, вздыхаем от умиления, услаждаемся такими добродетелями; но когда на самом деле предстанет пред нами странник в полноте своего нравственного вида, то мнимая любовь наша отвращается от него, и мы отсылаем его от себя, да еще, быть может, с упреками. Когда придется посидеть у постели больного, мы предаемся унынию и ропоту о том, что нам досталось столь трудное служение». Но, может быть, подвиги деятельной, благотворящей любви вовсе и не требуются от иноков? Может быть, инокам нужны только церковь да келья: церковь, чтобы участвовать в богослужении, и келья, чтобы заниматься богомыслием и молитвой? Нет, нужно и другое. Заповедь о любви дана для всех, а подвижник по преимуществу, должен возлюбить тех, кого Бог любит. Он обязан знать, что если приобрел такую веру, что будет и горы переставлять, что если ради подвига предаст тело свое мучительной смерти, а любви иметь не будет, то не будет от того пользы никакой (1 Кор. 13, 1–3)¹²².

Из прочих поучений Преосвященного автора обращают на себя особенное внимание беседы, слова и речи, относящиеся к пастырству, современной пастырской деятельности и миссионерству. Епархиальный питомник для приготовления пастырей, Томская Духовная семинария, вызывает тревожную озабоченность архипастыря тем, что ее воспитанники, прошедшие полный курс учения, во многих случаях уклоняются от пастырства, предпочитая ему светские профессии. В одном из многих слов, произнесенных в семинарской церкви, владыка, останавливаясь на этом скорбном обстоятельстве, указывает ее причину не в уставах семинарии, не в воспитательном семинарском режиме, а в той неблагоприятной настроенности воспитанников, которая создается влияниями, действующими вне семинарии. Владыка горячо призывает молодых слушателей к самостоятельной работе над собой для изменения настроения, что возможно и достижимо при условии надлежащего воспитания или перевоспитания сердца¹²³. В другом слове к тем же питомцам духовной школы архипастырь, изобразив

в ярких, рельефных чертах типы доброго и нерадивого пастырей, архипастырски и отечески убеждает воспитанников не изменять знамени, не убегать от высокого, плодотворного, хотя и трудного пастырского служения с тем, чтобы в этом великом служении они следовали, во славу Церкви и на благо будущих пасомых, представленному первому типу доброго, заботливого священника¹²⁴.

Обращаясь к самим пастырям, архипастырь ввиду возрастающих запросов нашего времени и возникновения в жизни множества соблазнов настойчиво призывает их к усиленному учительству: «...учите ваших пасомых! Учите всех: старых и малых, учите всякий возраст и пол. <...> Вам, пастыри, всюду отверсты двери слова: и в церкви, и в школе, и в доме, и в городах, и в селах, и в деревнях. Учите книгой, учите Писанием, учите и словом живым. Проповедуйте слово во время церковных собраний; учите и внебогослужебными чтениями и собеседованиями. <...> [Учите,] последуя примеру Божественного Учителя и Господа, Который учил и в храме, и в синагогах, во градах и весях, на горе и на месте ровне, на берегу моря и в месте пустынном»¹²⁵. Многократные внушения о пастырском долге неуклонного учительства сопровождаются подробными наставлениями, как вести учительство в городе, в селе, в храме и вне храма. В деле церковного учительства внебогослужебным собеседованиям владыка придает очень большое значение. Для того чтобы приохотить народ к посещению таких собеседований, священник должен приступать к ним не вдруг. Архипастырь советует начинать их с бесед в избранных частных семьях и домах. Для того чтобы придать внебогослужебным собеседованиям большую привлекательность и больший интерес, их следует оживлять общим пением церковных песен. Священник есть миссионер в своем приходе и потому обязан изыскивать все способы для учительного воздействия на пасомых. Он должен пользоваться «всяким удобным случаем для беседы с ними, начиная таковую иногда с земного и переходя к небесному»¹²⁶. Церковное указание, выраженное в 10-м правиле VII Вселенского Собора «о научении Божественным писаниям отроков»¹²⁷, священники всего удобнее, внушает архипастырь, могут исполнить через церковную школу. Со всей заботливостью и усердием они должны стараться об умножении церковно-приходских школ, а в деревнях школ грамоты, чтобы через храм и через эти школы приготовить добрых и послушных чад Церкви, «утвержденных не только в православии и благочестии, но и в любви к царю и отечеству и в повиновении всякой богоучрежденной власти»¹²⁸.

Уча пасомых — взрослых и детей, пастыри должны помнить, что «кто боится за слово истины, неприятное для слушающих, потерпеть порицание, кто потворствует страстям слушателей, как делали это лжеучители, тот, по изречению апостольскому, строит здание из дерева, сена и соломы (1 Кор. 3, 12–13). Кто налагает на других бремена тяжелые и неудобноносимые, а сам и перстом не хочет двинуть их (Мф. 23, 4); кто одному учит, а другое делает; кто учит только словами, а не нравами своими, тот строит из непрочного, горючего материала, и дело его при испытании огнем сгорит»¹²⁹.

Естественно, что святитель, начавший свою церковную деятельность миссионерским служением, не мог пройти в своих поучениях миссионерского дела, не мог не отозваться по этому делу своим одушевленным словом и компетентными наставлениями. В речах о миссионерстве архипастырь знакомит слушателей с историей миссий Томского края — противораскольнической и противоязыческой, в теплых словах вспоминает основателя Алтайской миссии приснопамятного отца архимандрита Макария (Глухарева) и его ближайших преемников по предстоятельству в миссии; говорит о трудностях миссионерского служения на Алтае, о тяжелой, изолированной жизни миссионеров в отдаленных дебрях диких гор и, указывая на материальные нужды Алтайской миссии, просит о помощи ей. Окажите ее, говорит он, во имя Христа. Ведь дело миссии — дело Христово. «Это то дело, ради которого Господь наш Иисус Христос приходил на землю, ради которого Он принес Себя в жертву... Это дело спасения погибающих в незнании истинного Бога. Это дело призвания неверных к истинной вере»¹³⁰. Рядом с тем проповедник предлагает полемическое слово с обличением главнейших заблуждений старообрядческого раскола, рассеивает ту идеализацию старообрядчества, которая так обычна в светском обществе, и наконец предлагает несколько миссионерских бесед, обращенных к язычникам-алтайцам. Эти беседы о Боге как Творце мира, о создании человека, о его грехопадении, об Иисусе Христе как Искупителе и Спасителе грешных людей, о Страшном Суде, изложенные языком, приспособленным к понятиям и пониманию полудикарей, даны в качестве руководственных для миссионеров, подвизающихся в Алтайской и приалтайской стране.

Размеры настоящей статьи не дают возможности коснуться множества других проповедей и речей, вошедших в настоящее издание. Но полагаем, что изложенного достаточно для того, чтобы на основании

содержания поучений, по их характеру и тону можно было судить о их достоинстве.

В поучениях мы видим святителя-ратоборца, выступившего со своим смелым, одушевленным словом в защиту Церкви и государства в бурные дни, пережитые нашим отечеством; видим и слышим архипастыря, стоящего среди пасомых с неперестающей заботой и пламенеющей ревностью о их спасении. Как истинный добрый пастырь и отец, он собирает вокруг себя Богом врученных чад и ко всем подходит со спасающим словом истины. Передовые, образованные классы населения внушениями веры, указаниями на Небесное, Божественное достоинство Того, Кто облагодетельствовал мир светом этой веры, он предохраняет и врачует от болезней религиозного равнодушия и безверия; простецов усиленно и настойчиво укрепляет и утверждает в вере необходимым сообщением ее святых истин и их разъяснением. Поучая и назидая пасомых всяких степеней развития и всех возрастов, владыка в разнообразии нравственных состояний не хочет упустить из виду ни одного, чтобы не приложить к нему пастырского совета, вразумления, наставления, а нередко и обличения. Людей рассеянного образа жизни он призывает к серьезности и сосредоточенности в жизни, обращая их внимание на смысл и цель жизни, на то вечное благо, к наследию которого мы призваны и которое приобретается усилиями; увлекающихся в погоне за удовольствиями отрезвляет и вразумляет напоминаниями о молитве, о храме — о всем том, из чего складывается и чем создается должная и добрая христианская настроенность. Человека, всецело погруженного в заботы о благах мира сего, он наставительно и внушительно предупреждает, чтобы не упустил из виду единое на потребу, чтобы не забывал об обязанности в Бога богатеть (Лк. 12, 21). Спящего в греховном состоянии старается разбудить, призвать и расположить к покаянию, тщательно, любовно, отечески оберегая его душу от опасности возможного отчаяния.

Выразительно, с восторгом пламенной веры указывая светлости уготованного Небесного Царствия, владыка побуждает, умоляет и ободряет пасомых, кто бы и каковы бы они ни были, идти и подниматься к ним, причем от избытка архипастырского сердца дает подробные руководственные наставления, как идти, как подниматься в неизбежной борьбе с соблазном и грехом. Сам неусыпно ревнующий о спасении вверенных душ, архипастырь призывает к той же ревности своих ближайших в пастырстве сотрудников и, с целью научения и одобрения

в трудах пастырского делания, обильно делится со священниками богатым опытом своего долговременного церковного учительства. В душевном желании привести в ограду Церкви и ко Христу и тех словесных овец, которые не от двора сего (Ин. 10, 16), владыка призывает верных на помощь миссии и вместе облегчает труд миссионеров своими примерными, образцовыми миссионерскими беседами. Всем он желает дать всё, что относится к истинному благу жизни и к деятельности для этого высшего блага. Он дает это от души, зовущей к любви и исполненной любви. Поучения проникнуты духом отеческой любви. Любовь заботливого, ревнующего, отеческого сердца явственно слышится в самих прошениях и обличениях. О поучениях Томского архипастыря, сердечных и задушевных, должно сказать, что они не только питают, но и греют. Преосвященный не любит отвлеченностей и избегает их. Изложение его бесед, слов и речей, нередко оживляемое повествованиями из Прологов, полно сравнений и образов. Это придает им характер жизненности и конкретности. Конкретность в связи с простотой изложения обуславливает их общедоступность. Простота речи во многих случаях и в особенности в тех, когда речь обращена к простолюдинам, поражающая. Владыка сам называет свое проповедническое слово «простым словом простых людей»¹³¹. Но эта простота, не лишенная красоты, передающая святые и великие истины непременно и всегда в соответствующей достойной форме, есть простота мудрая.

Томский маститый архипастырь, стоящий со светильником Божественного слова на верху горы, обильно освещает его светом не только паству в пределах своей обширной епархии, но светит для всей Русской Церкви. Его поучения — глубоко содержательные, живые и сердечные, обнимающие все главнейшие нужды христианина, затрагивающие с духовной стороны почти каждое жизненное состояние и положение — несомненно, найдут повсюдное заслуженное признание и с ним самое широкое распространение.

Протоиерей Димитрий Беликов.

